

ПРИНЦИП ИСКЛЮЧЕНИЯ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛИНА АРКАДИ

18+

Алина Аркади
Принцип исключения
Серия «Жестокие принципы», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68979117

SelfPub; 2023

Аннотация

Прошлое должно оставаться в прошлом с теми, кто его создал. Но что делать, если забыть о нём не получится? Прошлое не твоё, а преследующие тени вовлекают в опасную игру, правила которой тебе не известны. И если тебе кажется, что на кону лишь разбитое сердце и мечты о том, кто никогда не станет твоим, ошибаешься. Потому что бороться придётся за нечто большее, а выбирать между любовью и жизнью.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	32
Глава 5	46
Глава 6	56
Глава 7	68
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Алина Аркади

Принцип исключения

и если отбросить, как вещи, на пол гордость и тонны фальши:

я не знаю, как раньше жила без этих упрямых глаз, этих тёплых рук.

*у меня от тебя по коже бегут мурашки,
мурашки, между прочим, никогда не врут.*

*мне вовсе не нужно тысячи веских поводов быть с тобой,
мне достаточно двух причин, чтобы лететь к тебе
сквозь преграды:*

*в твоих объятиях становится тише боль
и приумножается радость.*

Аня Захарова¹

¹ Страница автора в социальных сетях: <https://vk.com/fatalitystih>

Глава 1

Тася

– Мам, ну договорились же уже, – скулю, поглядывая на отца и желая доказать, что готова к самостоятельной жизни вне дома без постоянного присмотра. – У тебя ещё Аня есть и Костик, за которым необходимо наблюдать.

У моего любимого брата какая-то фантастическая способность вляпываться в приключения.

– Лен, правда, решили же.

Точка. После слов отца мама замолкает и согласно кивает, позволяя мне удалиться в свою комнату и закончить собирать вещи, которые с трудом уместятся в два огромных чемодана. Сейчас март, но погода в России изменчива и порой непредсказуема, поэтому сначала укладываю тёплые, а затем заполняю оставшееся пространство летними.

Лёгкий мандраж не покидает меня на протяжении нескольких дней, сразу после беседы с папой и согласия отправить меня из страны. Странное и пока необъяснимое чувство, что я возвращаюсь домой, хотя мой дом вот уже пятнадцать лет за границей. Но это не мешает надеяться, что всё сложится, как я задумала. Точнее, осуществить мою мечту помог папа, который привёл маме с десятков аргументов и уговорил согласиться на предложение, которое мне поступило. Долгий месяц она сопротивлялась, отказываясь слушать

нас обоих, но он сделал невозможное, поэтому завтра в десять утра мой самолёт взлетит в небо.

– Это Вике передашь. – Мама вручает мне небольшую синюю коробочку, на которой красуется серебристый бант.

– Что это?

– Это наши женские секреты, – подмигивает и даёт понять, что детали мне знать не положено, а предмет предназначен лишь для Виктории. – Тась, почему нельзя работать здесь?

– Ты знаешь почему. Потому что все смотрят на меня с жалостью и сочувствием, не переставая напоминать, как неудачно сложилась моя судьба. А меня тошнит от их сожалений, понимаешь, тошнит? Я больше года провела у психолога, собрала себя заново и заставила встать на коньки. Не для профессионального спорта, а чтобы почувствовать себя живой. Всё, о чём я мечтала, к чему стремилась, рухнуло в один миг, оставив неопределённость и боль... – сползаю по стене со свитером в руках и закрываю лицо, чтобы мама не видела, как меня снова разносит вдребезги.

Подходит и молча опускается рядом. Гладит по голове, прижимая к себе и напоминая, что она всегда со мной: поддержит, поймёт, пожалеет.

– Прости, – шёпотом.

– Мам, я хочу новую жизнь начать там, где меня не знают. Не знают мою историю, не станут спрашивать, напоминать, методично давить на больное и злорадно наблюдать за реак-

цией.

– За новой жизнью нужно ехать в другое место. То, куда ты стремишься, не самое лучшее. Поверь мне.

– Для тебя – да. Все твои воспоминания связаны с разочарованием и обидами, мне же там видится нечто светлое и хорошее.

Говоря это маме, всячески скрываю, с какой целью возвращаюсь в город, где всё началось для неё с папой. Мои воспоминания иные: светлые, радужные, лёгкие. Последние несколько лет я уверена, что найду покой лишь там, с людьми, к которым тянется душа. Я задыхаюсь в этой стране, доме, с этими людьми, какими бы родными они ни были. Мне нужны стимул, надежда и путь, который будет только моим.

– Зря ты отказалась изменить фамилию. Папа ничего против не имел.

– Я Островская, – говорю, вскидывая подбородок. – Островской и останусь. Это важно для меня. К тому же папа уехал пятнадцать лет назад. Вряд ли вообще о нём кто-то помнит. Сменились люди, приоритеты, власть. Из вашей прошлой жизни остались только Ароновы.

– И Гриша.

Как только слышу знакомое имя, сердце пропускает удар, разнося кровь бурными потоками и отдаваясь глухой болью в виски. Не сейчас. Я вспомню о нём ночью, оставшись наедине с темнотой и музыкой в наушниках, как делала это по-

следние несколько лет. Но тот факт, что завтра я его увижу, отдаётся во мне дрожью и нетерпением, с одной стороны, и парализующим страхом – с другой.

– И Гриша...

– Папа ему позвонил. Встретит в аэропорту, отвезёт к Ароновым. Переговоришь с будущим работодателем и решишь, оставаться или возвращаться. Тогда уже переберёшься в городскую квартиру. Там всё готово для тебя. А пока порадуй Вику, побудь с ней пару дней, ладно?

– Конечно, мам. Ромку хочу увидеть, он так вырос – выше меня на голову.

Показываю рукой, но даже Аня выше меня в свои тринадцать. Мне же достались скромные метр шестьдесят: хорошо для фигурного катания и плохо для жизни. Я, наверное, Грише с трудом до груди достану, если он соизволит обратить на меня внимание и подпустить на расстояние вытянутой руки.

В аэропорт меня едет провожать вся семья. Так сказал папа, которого за последние пятнадцать лет не посмел ослушаться даже Костя, не говоря уже обо всех остальных. Именно он первый поддержал мой порыв вернуться в Россию и работать там с малышняй. Ему досталось больше всех, когда я в период реабилитации мало походила на человека и постоянно срывалась в истерики, сетуя на несправедливость и злой рок. Мне казалось, что это конец и дальше лишь тьма, за которой ничего нет и уже не будет.

Тогда он и рассказал их с мамой историю, не опуская фак-

тов и деталей, называя вещи своими именами. В тот момент моя собственная трагедия уже не казалась концом света во всех его проявлениях, а папа, сам того не понимая, дал толчок, который заставил двигаться дальше, к новым целям, желаниям и приоритетам, но уже с изменённым направлением.

– Тась, я попросить хочу, – шепчет отец, когда отводит меня в сторону подальше от младших детей. – Осторожно с мужчинами.

– Пап...

– Я знаю, что тебе девятнадцать. Ты имеешь право делать всё, что делают люди, достигшие совершеннолетия. Я не запрещаю, лишь прошу быть осторожной. У тебя мало опыта в общении с противоположным полом, а точнее, его вообще нет. Не уходи с головой при первых же вспыхнувших чувствах, ладно? – Ласково заправляет прядь за ухо и щёлкает меня по носу, отчего я привычно хохочу. – Твоя мама пережила горький опыт, поэтому я хочу, что в будущем рядом оказался человек, достойный тебя во всех смыслах.

Он знает, о чём говорит. Спорт забирал все мои силы, не оставляя времени на подруг, парней и обычные прелести жизни. Школа, тренировки, сборы, соревнования – так прошли тринадцать лет моей жизни. Меня не заставляли, так я сама захотела, когда впервые увидела выступление фигуристов в пять лет. Какая-то непреодолимая сила влекла меня на лёд, заставляя набирать обороты и двигаться вперёд.

– А если он, по твоему мнению, окажется недостойным? –

лукаво улыбаюсь, интересуюсь, как же папа поступит в случае, если мой выбор окажется неудовлетворительным.

– Я его убью, – целует меня в макушку, обнимая.

– Я поняла, пап. – Это не шутка. Он всегда выполняет свои обещания. – Обещаю.

Это обещание полетит к чертям, как только самолёт приземлится в аэропорту, и я увижу того, кто прочно засел в моих мыслях и не желает оттуда выметаться, как бы я ни старалась. Тот, кто для меня является важным, единственным и особенным.

– Таисия, – как только папа произносит моё полное имя, вытягиваюсь по струнке, приготовившись принять важную информацию, – в случае возникновения проблемы – любой, сразу звони, поняла? – Киваю, не смея перечить. – Если я недоступен, есть Аронов и Григорий. Последний за тебя головой отвечает.

Как только папа связался с Гришей, радости моей не было предела, потому что указания Парето должны соблюдаться беспрекословно, иначе он растерзает виновника. Отцу пятьдесят пять, но до сих пор большинство людей перед ним пасуют, не смея смотреть в глаза. И лишь мама всегда на равных, не прогибается, вступая в открытую схватку и выдерживая каждый выпад, каким бы жёстким он ни был. Иногда мне кажется, что это игра, где папа выясняет, насколько он может её придавить, а мама напоминает, почему они столько лет вместе. Отец всегда проигрывает, но мама дела-

ет вид, что в роли проигравшей именно она.

– Пока, солнышко. – Мама чмокает в макушку, сдавливая в объятиях. – Желаю найти то, что успокоит твою душу. Хотя бы ненадолго.

Прощаюсь со своими, обнимая напоследок Аньку и щёлкая по носу Костика, который так же, как и я, хохочет и показывает язык. Константин Константинович доставит родителям уйму проблем, о которых они пока не подозревают. Даже папа иногда неспособен совладать со своей уменьшенной копией, которая проверяет его на прочность с завидной регулярностью.

Регистрация, посадка, и вот крылатая птичка поднимается в небо, чтобы через четыре часа я оказалась там, куда стремится моё сердце. Предложенная работа важна, но ещё больше важен тот, кого я видела последний раз пять лет назад на фото, и с тех самых пор сохранила в себе образ, представляющийся мне непоколебимым идеалом. Я сама прекратила общение с Гришей, разорвав все контакты. Перестала отвечать на звонки и сообщения, а маме сказала, что больше не желаю связывать себя детскими воспоминаниями с человеком, который старше меня ровно на двадцать лет. Но причина была в ином, и её я не озвучивала даже самой себе, опасаясь спугнуть крохотную надежду, которая столько лет жила в моём сердце. Каким он стал? Изменился ли? Кого увидит перед собой? Маленькую девочку Тасю в смешной шапке с пушистым помпоном или повзрослевшую девушку?

Истязая себя догадками, не замечая, как пролетают четыре часа и объявляют посадку. Забираю багаж и с замиранием сердца ищу в толпе встречающих знакомые черты. И не нахожу. Никого похожего на того, кого знаю и помню. Простояв сорок минут, беру такси и еду к Ароновым. Готова рыдать, что Гриша, наплевав на просьбу отца, не явился в аэропорт. Или же причина во мне? У него своя сложившаяся жизнь, и девочка Тася является в ней лишь помехой, даже если приказ отдан Парето.

Глава 2

Яров

– Тася вылетает завтра в десять. Самолёт приземлится в два. Встретить, сопроводить, наблюдать.

Чёткие указания от Парето в привычном стиле. За пятнадцать лет не изменился ни он сам, ни подача, с которой отдаёт распоряжения, в каком направлении двигаться. Отрицание не в его случае, за отказ можно поплатиться жизнью.

– Если она от моего наблюдения откажется? – прорабатываю вопросы, с которыми могут возникнуть трудности.

Тася больше не ребёнок, а я не тот, кто был для неё непоколебимым авторитетом. Маленькая девочка смотрела мне в рот и ловила каждый вздох, но всё закончилось в тот момент, когда она оборвала все контакты и отказалась со мной разговаривать. Мой номер был отправлен в блок, а доступ запрещён. После о событиях в её жизни я узнавал от Парето, но в большей степени от Лены, которая делилась переживаниями втайне от мужа.

Уверен, Парето и об этом знал, лишь сделал вид, что не осведомлён. Своей женщине смотреть в другую сторону он не позволил бы, и тот факт, что я ему родственник, пусть и не самый близкий, сохранял мою жизнь все эти годы. Семья не сделала его мягче по отношению к чужим, не заслуживающим его чувств людям. Всё, что в нём живо, существует

лишь для Лены и детей.

– Значит, сделай так, чтобы не отказалась. Не мне тебя учить. И ещё важный момент, – Парето выдерживает паузу, – я хочу, чтобы ты исключил любых возможных поклонников. Как исключать, решай сам. Способов множество, включая физический.

– Ей девятнадцать. Ты же понимаешь, что в какой-то момент она захочет отношений? Или появится тот, на ком сосредоточится её мир. Ты даже не узнаешь об этом.

– Захочет она их исключительно после моего одобрения, Гриша. – Голос Островского, словно заточенный клинок, проходит по моему имени. – У девочки слишком мало опыта, чтобы не вляпаться в первого попавшегося мудака, наставшего ей в уши. И я не просто так сказал «девочка». Уверен, ты понял.

– Понял.

Опыта у Тази нет вовсе, во всех существующих смыслах, и Парето остерегается, не желая, чтобы кто-нибудь причинил боль белокурой красавице. А она красавица, что подтверждается фотографиями даже пятилетней давности, когда у меня ещё был к ней доступ. Наивная, открытая, живая – такой Тася осталась для меня и сейчас, несмотря на отсутствие связи между нами.

Я задавался вопросом, почему отрезала все контакты. Но затем и на него нашёл ответ: ничего не связывает тех, у кого двадцатилетняя разница. Целая жизнь, которая нас раз-

деляет, делает далёкими и чужими. Нас связывали воспоминания, которые стёрлись со временем. У неё. Так было лучше в первую очередь для Таси, да и Парето, в конце концов, настоял бы на прекращении нашего общения. Я ей не ровня, по мнению Островского, таковым и останусь, несмотря на просьбу присмотреть.

– Отправлю с Таисией документы, о которых говорили. Разберись с заводами и Липницким. Его цена меня устраивает, если договорённости в силе, продавай. Куда перевести деньги, знаешь, тридцать процентов твои. За работу. Я оценил грамотность твоих действий, когда пришлось столкнуться со... сложностями.

Сложности... Скорее, полный пиздец, который мне в наследство оставил Парето, решив придержать заводы за собой. Их продажа ещё десять лет назад не оставила бы в моём теле ещё одной дырки бонусом к другим, а три года, которые я провёл в тюрьме, стали бы прекрасным дополнением на воле. Но я пережил, понимая, что это меньшее из наказаний, которые могли прилететь в мою сторону. А затем и вовсе стал представителем Парето по всем вопросам. И если Лена считает, что все давно забыли, кто такой Константин Сергеевич, глубоко ошибается, как и в том, что её муж об этом не знает.

Знает. Именно по этой причине теперь я личная нянька Таси, как и пятнадцать лет назад. Если с головы девочки упадёт хоть один волос, я получу пулю в лоб. Просто и понятно.

Не имеет смысла даже озвучивать.

– Сложности, – ухмыляюсь, – если это определение здесь уместно. Продай всё, и дело с концом. Возвращаться не собираешься, но по-прежнему остались те, кто готов побороться за твою собственность. Возня вокруг сделки с Липницким мне не нравится.

– Варианты?

– Первый: его уберут и предложат меньшую цену. Второй: позволят совершить сделку, а затем всё равно уберут, чтобы беспрепятственно отжать заводы.

– А есть вариант, при котором он остаётся жив?

– Вряд ли. Он подписал себе смертный приговор, когда влез в торги. Борзый, наглый и умный, но не такой, как ты. Этим и слаб.

– Ты же как-то выкручиваешься?

– За мной по пятам ходит твоё имя, – издаю едкий смешок, напоминающий Парето, что для всех он так и остался монстром, способным на всё. – Тася фамилию сменила?

– Нет. – Шумный выдох говорит о том, что переубедить её он пытался, но дочь настояла на своём. – Тем самым прибавила проблем в первую очередь тебе.

– Ты мог просто запретить ей ехать.

– Не мог. Ей было тяжело. Приложил немало усилий, чтобы она вылезла из депрессии. Впервые за несколько лет её глаза горят, а рот не закрывается. Щебечет, воодушевлённая новым этапом в жизни, строит планы, рвётся работать. Если

бы ты её видел тогда... – осекается. – Я не хочу повторения.

– Она тебе не родная, – намекаю Парето, что он больше сосредоточен на Тасе, чем на родных детях.

– Возможно, даже роднее, чем Аня и Костя. Знаешь, тогда ведь именно Таисия стала тем стимулом, который заставил меня изменить курс. И Лена, конечно же, но маленькая девочка, выудившая остатки моей веры, стала первопричиной. Именно поэтому всё, что с ней происходит, воспринимается остро. Именно поэтому заботу о ней я поручаю тебе.

– Я так понимаю, это привилегия? – улыбаюсь самому себе, понимая, что слова Островского признание: ты достоин моего доверия.

– Это смертный приговор, Гриша, – остужает. – Но отказаться возможности нет. Ты закрыл её тогда, если потребуешься, закроешь и сейчас.

– И долго закрывать?

– Недолго. Месяц.

Он так уверен, что Тася соскочит и откажется от мечты, к которой рвётся?

– Я бы не был так уверен...

– Я договорюсь. Месяц поиграется, а потом её попросят по-тихому оставить спортивную школу за недостатком опыта работы с детьми. Ничего не останется, как покинуть этот сраный город и вернуться к нам. Попробует свободу и самостоятельность, сделает выводы, а затем я подберу ей достойную пару. Женщина не должна работать.

– Лена работает и сейчас. – Попытка переубедить Парето априори закончится провалом, но перспективы для Таси херовые. На тебе, доченька, мужика, которого я выбрал, и ни о чём не думай.

– Мне послышалось или тебя что-то веселит? – гаркает в трубку, отчего радость улетучивается. – Лена не работает, она занимается любимым делом, при этом не ущемляя во внимании меня и детей. Если бы я хоть раз, вернувшись, не застал её дома, это автоматически стало бы последним днём её работы. Она в курсе, но как вот уже больше десяти лет балансирует на грани, не понимаю.

– Всё просто – женщины изворотливее, чем мы. Умеют приспособливаться, прогибаться, чаще добиваясь желаемого лаской и просьбами. Не обязательно повышать голос, чтобы тебя услышали. Лена и тогда его не повышала, вот только ты, как щенок, ходил за ней и слюни пускал.

В трубке тишина, вероятно, Парето мысленно уже всадил мне две пули в лоб, но меня спасают огромное расстояние и его просьба.

– Не отрицаю. – Закашливаюсь дымом, не ожидал такого поворота. – Ни разу не пожалел. Надеюсь, и она тоже.

– Однозначно, иначе не родила бы тебе двоих детей. На такое ещё решиться надо... – говорю полушёпотом, отодвинув телефон в сторону.

– Много слов, Ярый. Ты сегодня слишком разговорчив.

– Как и ты.

– Подытожим: Таисию встречаешь, инструктируешь, при-
сматриваешь. Если всё сложится и она задержится, приста-
вишь к ней грамотного человека, чтобы двадцать четыре ча-
са в сутки таскался за ней. Ты должен быть доступен в любое
время, чтобы могла позвонить в случае непредвиденной си-
туации. Забираешь документы, решаешь вопрос с Липниц-
ким. Всё. Завтра жду отчёт.

Никаких комментариев с моей стороны не требуется, по-
этому Парето завершает звонок. Приказы отданы, я лишь ис-
полнитель.

Набираю номер Таси. Безрезультатно. Я по-прежнему в
чёрном списке. И как, по мнению папаши, я должен с ней
связаться? Подождём до завтра. Островский оповестит дочь
о моей компании на всё время пребывания в России. Вари-
антов ни у неё, ни у меня нет.

Чувствую приближение больших проблем, и начнутся они
с Таси, которой Парето позволил вернуться в этот город. Как
по мне, она лишняя среди этой грязи. На месте Островского
я бы сделал всё, чтобы девочка никогда не ступила на путь
матери, пережившей слишком много, пока их с Парето судь-
бы не пересеклись. Жестокость жизненных уроков иногда
ломает даже самых сильных, не говоря уже о девушке девят-
надцати лет. В моих силах оградить её от всего, что способно
ранить чистую душу или же эту самую душу искалечить.

Глава 3

Номер Таси недоступен, что затрудняет понимание, где мы встретимся. Аэропорт огромен, и искать в толпе одного человека задача не из простых. Неужели Парето не сказал, кто будет её встречать?

До посадки час, вполне успеваю доехать в назначенное место к положенному времени. Но глухой удар переключает внимание на синий минивэн, который знатно приложился сзади. Включаю аварийку и выхожу из машины, чтобы сразу наткнуться на орущего мужика, который бегаёт вокруг своей тачки и размахивает руками. Осматриваю повреждения, которых на моём джипе почти нет, и сбитую морду авто виновника. Нет времени делать всё по правилам.

– Разъедемся мирно? Я спешу.

– В смысле? – подскакивает мужик. – У меня вся морда смята.

– Виноват же ты.

– Я? Ты не показал, что останавливаться собираешься?

– Я, вообще-то, на светофоре стоял, как и ещё несколько десятков машин. Был красный. Ты куда лупился? – надвигаюсь на мужика, значительно превосхожу его ростом, что заставляет оппонента сжаться.

– Отвлёкся, – пищит.

– Вот моя визитка. Позвони, договоримся, – вкладываю в

нагрудный карман бумажку и собираюсь двинуться дальше, но, как назло, рядом останавливается патруль для выяснения причин пробки, которая собралась из-за нас.

– Предпочитаю оформить всё по закону!

На этой фразе начинается двухчасовое представление с мольбами, криками и доказательствами. Оформление договора занимает долгое время, а я пытаюсь дозвониться Тасе, которая, скорее всего, уже приземлилась и ждёт меня. Надеюсь, что она позвонит отцу спустя какое-то время ожидания, но оповещения от Островского не поступает.

Прилетаю в аэропорт и узнаю, что самолёт сел больше часа назад. Поиски девушки ничего не дают, и я, словно сумасшедший, бегаю по залам ожидания, чтобы отыскать нужного человека. Спустя час и тонну потраченных нервных клеток решаюсь набрать Вику, к которой и должен был отвезти Тасю.

– Вик, Тася не приезжала? – Вероятно, мой голос сквозит тревогой, потому что женщина издаёт нервный смешок.

– Приехала только что. Сейчас наверху. Ты как её прозвал? Лена уже звонила, спрашивала.

– Хер какой-то в зад мне въехал. Проторчал почти два часа посреди дороги, доказывая, что виноват не я. Выдвигаюсь к вам.

Сердечный ритм приходит в норму, когда я понимаю, что всё в порядке и прямо сейчас девчонки весело обсуждают последние новости. Еду за город, представляя свою встречу

с той, чей голос не слышал долгих пять лет. Когда-то близкая для меня, сейчас между нами пропасть, и её необходимо преодолеть, потому как вместе нам находиться месяц.

Ворота отъезжают, а охрана кивком приветствует. Я давно не работаю в этом доме, сменив старшего Аронова на младшего, а точнее, на его сына Роберта, который по примеру отца пошёл в политику и параллельно в бизнес.

– Привет, дядь Гриш. – Ромка налетает на меня неожиданно, заставив напрячься и приготовиться к опасности. Рука автоматически тянется к кобуре, но вовремя реагирую, чтобы не напугать его.

– Привет! Мама где?

– В гостиной. А ты знаешь, что Тася приехала?

– Знаю. – Хочу сказать, что я облажался и поэтому Тася добралась на такси, но пацану эта информация без надобности. – Где она?

– В жёлтой спальне, – показывает пальцем наверх. – Второй этаж.

– Понял. Спасибо.

С Викой объяснюсь потом, когда увижу дочку Парето, так упрямо не желающую со мной разговаривать. Иду по коридору, не зная, где, к херам, эта жёлтая спальня. Личный пунктик Виктории – комнаты в разной цветовой гамме, чтобы не путаться, но в итоге можно запутаться ещё больше.

Слышу тихую музыку и иду на звук, оказываясь в конце коридора. Толкаю дверь в комнату. На полу открытый чемо-

дан, на кровати разложены вещи, а на тумбочке вибрирует телефон, мигая экраном. Таси не видно, поэтому иду на звук, который пробивается сквозь приоткрытую дверь ванной, и с осторожностью вхожу.

Сглатываю, когда взгляд скользит по обнажённому телу под струями воды. Осознаю, что передо мной Тася. Та самая, что висела на мне в детстве и просила посадить на шею, толкать качели сильнее и играть с ней в куклы, у которых очень красивые платья. Но то, что сейчас передо мной, походит на мираж, потому что всё мужское существо вопит о невозможности мыслей, прошибающих тело. С усилием отворачиваюсь так и не увидев её лицо и делаю несколько шагов назад, чтобы дождаться девушку на безопасном расстоянии. И теперь понимаю опасения Парето, потому как это тело может вызвать неконтролируемые порывы со стороны противоположного пола в считанные секунды.

– Привет. – За спиной раздаётся знакомый тонкий голос.

Обернувшись, попадаю в плен серебристого взгляда, который утягивает за собой. Передо мной прекрасная девушка: длинные светлые волосы собраны в смешной пучок, весело торчащий на макушке; пухлые губы приоткрыты, словно с них сейчас сорвётся нечто важное для меня; огромные серые глаза и тонкие пальцы, сжимающие полотенце, в которое замотана Тася. Одновременная знакомая и неизвестная для меня, распарывает пронизывающим взглядом, а затем добивает прикушенной губой и пушистыми ресницами,

подрагивающими от каждого вдоха.

– Привет. – Голос хрипит в пересохшем горле. – Я попал в аварию. Опоздал в аэропорт.

– Авария? – На миг её дыхание перехватывает, и сквозь едва слышный всхлип просачивается тревога. – Ты не пострадал?

– Нет. Всё в порядке. Переживал только за тебя. Не мог дозвониться.

– Я... – Тася теряет, натягивая полотенце выше. – Я всё исправлю... – схватив телефон, быстро водит по экрану. – Всё. – Что означает, теперь она доступна для меня, как пять лет назад, когда имел возможность набрать знакомый номер в любое время и услышать её голос. – Я сейчас.

Скрывается за дверью ванной и появляется через несколько минут в джинсах и футболке. Светлые локоны раскинулись по плечам, делая её ещё более воздушной и нежной. Перекладывает вещи, не поднимая головы, а я молча жду, когда же серебристый взгляд вновь будет обращён на меня. Но тянутся минуты, а Тася не произносит ни слова.

– Тась? – негромко зову её, а дождавшись реакции, произношу: – Это я, Гриша.

– Я знаю...

– Тогда в чём дело? Не спрашиваю, по какой причине ты отказывалась разговаривать со мной долгих пять лет, но сейчас я здесь, перед тобой.

Взгляд предательски мечется, останавливаясь на чём

угодно, только не на мне. Приближаюсь и поднимаю пальцами её подбородок, чтобы утонуть в бесконечной тревоге и сомнениях. То, что я вижу, не поддаётся объяснениям, потому что Тася не желает открываться и сейчас бесконечно далека для меня. Нет больше того восторженного взгляда, который сопровождал меня долгие годы, сейчас на меня смотрит запуганный зверёк, не способный никому доверять.

– Я не обижу. Ты ведь знаешь. Чего боишься?

– Тебя, – шепчет. – Того, каким ты стал.

– И каким?

– Очень взрослым. Когда я была маленькой, мне казалось, что мы друзья, но с годами пришло осознание, что человек, который старше на двадцать лет, другом быть не может.

– По этой причине прервала наше общение?

– И по этой тоже, – избавляется от моего прикосновения, отдаляясь вглубь комнаты и разбирая вещи. – А ещё ты женился. Не хотела, чтобы у тебя были проблемы.

– Ты проблемой никогда не была, – переубеждаю её, словно могу вернуть потерянные пять лет, который провёл без задорной девочки, освещавшей мою мрачную жизнь одним лишь своим щебетанием. – К тому же мой брак продлился недолго.

– Почему? – выпрямляется, сосредоточенно ожидает ответа, который я и сам до конца не сформулировал за два года.

– Иногда бывает так, что люди изначально не подходят друг другу, но соединяются, чтобы доказать обратное в

первую очередь себе. У нас не получилось. Ей не хватило мудрости, мне терпения. Да и особенности моей деятельности примет не каждая женщина.

– Мама ведь приняла, – пожимает плечиками, не поднимая головы.

– А что ты знаешь о том, чем занимался Островский? – интересуюсь, потому как Тася вряд ли посвящена в неблагоприятные нюансы прошлого Парето.

– Всё, – отвечает уверенно, вскидывая взгляд и убеждая в своей осведомлённости.

Неужели Парето открылся ей, поведав грязные и самые мерзкие истории, в которых под раздачу пошёл не один человек? Просто пешки, которых Островский одним щелчком смахивал с доски, не уделяя внимания искалеченным судьбам, оставшимся после каждого хода.

– Тась, скорее всего...

– Гриша, всё. – Голос наполняется стальными нотками, миг напоминая Парето и показывая, кто её растил последние пятнадцать лет. – Самое отвратительное и поганое. То, о чём даже одно упоминание вызывает тошноту. Мне известно даже то, что он не рассказал маме.

– Зачем? – Этот вопрос необходимо адресовать Островскому, который вылил на девочку всё дерьмо, которое сожрал за долгое время ведения дел.

– Я просила. В тот момент это нужно было нам обоим. Ему необходимо было избавиться от тяжкого груза, ядови-

того и уничтожающего, а мне понять, что в жизни есть куда большие потери, чем пьедестал и медаль на шее. Меня это спасло, папу, думаю, тоже.

– Хочешь сказать, если кого-то притащат с дыркой в теле, беспомощного и жалкого, ты не задумываясь будешь обрабатывать раны, слушать хрипы и помогать ходить в туалет?

Словно по щелчку, передо мной картинка трёхлетней давности, когда меня, еле живого и пускающего слюни, притащили домой и скинули на пороге, как куль. Но Мила лишь позвонила в скорую, чем подкинула множество проблем, и не прикоснулась ко мне до самого приезда врачей. Лишь через неделю, когда я стал адекватно воспринимать реальность, явилась в больницу под видом сочувствующей жены. В тот самый момент я поставил точку. Больше её не видел.

– Если этот кто-то мне небезразличен – да. – Ответ Таси настолько уверенный, что на секунду подвергаю сомнению тот факт, что ей девятнадцать лет. – Если ты о ситуации, когда мама выхаживала отца после огнестрельного ранения, то знай, я бы поступила так же.

– Ты слишком самоуверенна. Рассказы и реальность – штука разная. Иногда картинка настолько тошнотворна, что даже врачи отворачиваются. А ты ранимая маленькая девочка, – улыбаюсь, чтобы скрасить наш разговор. Не с этого нужно было начинать, не об этом беседовать, не это вспоминать.

Но Тася выпрямляется, откидывает вещи на кровать и

уверенно приближается, не отводя взгляда.

– Я давно не маленькая, Гриш. Та смешная белокурая девочка, которую ты катал на шее, в прошлом. От неё ничего не осталось, кроме цвета глаз. Сейчас перед тобой человек, который вполне самостоятелен, наделён значительными способностями и готов строить свою жизнь так, как он того желает. Знаю, папа приказал за мной приглядывать, но давай договоримся: я делаю то, что считаю нужным, и ты с советами не лезешь. Только так я приму твоё нахождение рядом, только так у нас обоих не будет проблем.

Тася чеканит каждое слово, уверенно вскинув подбородок и расправив плечи, чтобы я не смог усомниться в правдивости каждого. Она больше не та, кто подчиняется чужому вздоху, беспрекословно исполняя указы. И сейчас мои представления последних пяти лет надломались и осыпаются мелкими осколками, потому что от Таси, запечатлённой во мне, ничего не осталось. И это плохо. В первую очередь для меня. Потому что после её слов передо мной больше не ребёнок – женщина, знающая себе цену.

Вот так просто: один монолог – и меня выкрутило в другую сторону. Иллюзии прошлого развеяны в тот момент, когда в голосе девочки Таси проскользнули стальные нотки, остудившие меня. И если я решил, что будет просто, то ошибся. Нихера не будет!

– Я тебя услышал. Информацию к сведению принял. Просьба не блокировать меня и отвечать на звонки. Догово-

рились? – Протягиваю ладонь, чтобы скрепить договор.

Тася делает ответный жест, и тонкие пальцы тонут в моей руке. Неожиданно всхлипывает, и сквозь слетающую, словно шелуха, уверенность пробивается испуганный зверёк, сосредоточенный на простом касании. Замирает, не одёргивая руку и сжимая ладошку, а я не смею тревожить, жду, пока она сама решит, что достаточно. Несколько секунд – и Тася, спохватившись, разрывает контакт, чтобы вернуться к чемодану.

– Документы, – протягивает увесистую папку, которую я ждал. – Папа сказал, ты знаешь, что делать.

– Ты их смотрела?

– Зачем? – пожимает плечами, равнодушно занимаясь раскладыванием вещей. – В нашем доме есть правило: если папа сказал «передать», значит, никаких иных действий не требуется. Ему не нужно уточнять, что смотреть нельзя, это и так понятно.

– Люди очень любопытны, – усмехаюсь, вспоминая, что терпение и Тася в детстве были несовместимы. – Особенно женщины.

– Я умею придерживаться правил, если иное не оговорено. Несмотря на то, что я женщина. Просто помни об этом.

Запомню. Однозначно. Тем более после того, как Тася незаметно для меня самого отчитала, словно мальчика. Папаша постарался на славу... Если у кого-то и были сомнения, что она не родная дочь Парето, то после пары таких замеча-

ний и они рассеются.

– Твои дальнейшие планы?

– Завтра в десять встреча с Воропаевой, директором спортивной школы. Моё резюме она уже изучила, сделала выводы и пригласила, чтобы познакомиться лично. Если по итогам завтрашнего собеседования меня примут, значит, въеду в городскую квартиру отца и официально стану тренером. – Прикрывает глаза, делает глубокий вдох, и я замечаю, как трясутся руки Таши, которая, очевидно, очень переживает перед завтрашним собеседованием. Для неё это бесконечно важно, о чём говорят нервозность и тот страх, что проскальзывает в глазах. – В общем, всё зависит от завтрашней встречи.

– Я отвезу, – не жду ответа, в этом случае принимая лучшее решение. Она не знает города и привычек людей, проживающих здесь. – Можем взять вещи, если всё пройдет гладко, поедем сразу по адресу.

Тася не спорит, молча соглашаясь, и сейчас явно просматривается то, о чём сказала ранее – правила. Понимает, что я буду маячить рядом по приказу Парето, поэтому воспринимать в штыки каждое моё слово не станет. Беседа не клеится, и я, схватив документы, собираюсь покинуть спальню, провожаемый внимательным взглядом девушки.

– Останешься здесь на ночь?

– Да. Займу коттедж на одну ночь. Кстати, – задерживаюсь в дверях, – тот самый, где всё началось у Лены с Островским.

Могу провести экскурсию. Если тебе интересно, конечно.

– Интересно. Но я лучше с Викой, – мнётся, опустив глаза в пол. – К тому же я обещала спуститься и поболтать с ней, рассказать новости и вручить подарки.

– Посиделки только для девочек. Понятно.

Меня технично отшили, выбросив из компании и запретив приближаться. Тася вроде и рвётся ко мне, но в то же время сторонится, соблюдая только ей понятную дистанцию. Странные эмоциональные качели. Словно она пока не определилась с манерой поведения в отношении меня, прощупывая и наблюдая реакцию.

– До завтра? – шепчет, всё же одаривая меня взглядом исподлобья.

– До завтра.

Покидаю комнату, а меня рвёт на части и тянет обратно, словно я недоговорил, недопонял, недосмотрел нечто важное и решающее. Только сейчас понимаю, что меня потряхивает, а по спине стекают капельки пота. И такого рода реакция мне несвойственна, особенно касательно женского пола. Но Тася – иное: нечто родное, тёплое, тянущееся мягким шлейфом из прошлого и укутывающее душу. И одновременно незнакомое, далёкое и пугающее, потому как то, что я сейчас чувствую, испытывать не должен.

Глава 4

Тася

– Доброе утро, – приветствую Гришу издалека, чтобы, подойдя ближе, не попасть в плен тёмного взгляда, от которого у меня подкашиваются ноги.

– Доброе.

Забирает из рук чемодан, а при случайном касании моё сердце подскакивает к горлу, перехватывая дыхание. Я упорно настраивала себя на встречу с тем, кто жил в моих мыслях последние пять лет, не позволяя забыться и переключить внимание на кого-либо другого. Воспоминания – мой личный ад, в котором я сгорала каждый день в надежде когда-нибудь оказаться рядом с ним.

Вчера, открыв дверь ванной, едва не потеряла сознание, когда увидела высокую фигуру в свете солнечных бликов, пробивающихся сквозь окно. Идеален. Он стал ещё лучше, заматерел, покрылся налётом брутальности и жёсткости, которую я наблюдаю в отце. Упрощённая версия Парето на шестнадцать лет младше.

Тёмные волосы, которые, кажется, раньше были светлее; острый взгляд, приправленный сеточкой морщин в уголках; идеальная фигура, облачённая в классическую рубашку стального оттенка под цвет моих глаз. Тот Гриша, который запомнился мне, был мягче. Или же в четырнадцать лет мы

всё воспринимаем иначе?

Молча сажусь на заднее сиденье, словно он мой водитель и лишь ожидает приказа от хозяйки, но он и так в курсе маршрута. Это я здесь новая, не своя, приехавшая в надежде начать иную жизнь, упиваясь прошлым, не принадлежащим мне. Он часть этого прошлого, в котором мне было хорошо, светло, мягко, будто в объятиях мамы. Странное сравнение, но именно так я могу охарактеризовать те рваные моменты, всплывающие в памяти и приносящие умиротворение.

А пока наблюдаю за Гришей, переключающим правой рукой передачи и сжимающим ручку так, что костяшки белеют. Он нервничает. Вот только по причине того, что придётся возиться со мной, или же он, как я, напряжён и озадачен? Скорее, второе. Я лишь маленький нюанс, неспособный вывести его из равновесия. Временная трудность, ставшая обузой по приказу Парето. Надежды маленькой Таси рушатся, словно карточный домик, рассыпаясь бесшумно у ног, когда за время пути Гриша смотрит куда угодно, только не на меня.

– Приехали.

Прилипаю к стеклу, изучая огромный комплекс, окружённый значительной территорией. Серое небо прибавляет унылости этому и без того волнительному дню. Через десять минут решится моя судьба, и, возможно, уже вечером мне придётся покинуть этот город, страну и Григория Ярова, который сейчас сосредоточен на мне. Ждёт, когда я выйду из машины и перестану быть его проблемой, убравшись обратно

под крыло отца.

Тёплые отношения, связывавшие нас продолжительное время, были подобны нити, которая в определённый момент натянулась, вызывая болезненные позывы, и разорвалась, сделав нас ненужными друг другу. Возможно, стоило сохранить эту связь, чтобы сейчас не испытывать неловкость в присутствии друг друга. Но иного выхода не было. Я хотела, чтобы Гриша почувствовал разницу через много лет и увидел во мне не ребёнка, но женщину. Мне хватило силы воли не набирать знакомый до боли номер, упиваясь образами, выжженными на сердце. Зря. Потому что по мне гуляет пустой и холодный взгляд, которым достаивают лишь тех, кто не способен потревожить душу.

– Подождёшь?

– Да. Сколько потребуется. Удачи, Тась. – Такое мягкое, шелестящее произношение моего имени заставляет вздрогнуть и мысленно простонать.

Всё, как много лет назад, когда он всегда произносил: «Привет, моя Тасенька». В такие моменты сердце ухало куда-то в желудок, а на глаза наворачивались слёзы. Сейчас реакция аналогична, и, чтобы Гриша не заметил, открываю дверь и выхожу из машины, мгновенно вдыхая морозный воздух и принимая порцию отрезвляющей свежести.

На проходной объясняю, что мне назначена встреча с директором. Охранник подробно описывает, куда пройти, чтобы оказаться у кабинета Воропаевой. У неё посетители, по-

этому секретарь вежливо просит подождать.

Мне страшно. Почти как в момент, когда после травмы решила надеть коньки и выйти на лёд. Но тогда со мной был папа, а сейчас придётся в одиночку справляться со своими страхами и устраивать дальнейшую жизнь. Оказывается, не так просто пробиваться без крепкого плеча рядом и грамотного совета человека с достаточным опытом.

Из кабинета выходит несколько мужчин, энергично обмениваясь комментариями и не стесняясь в выражениях, и секретарь даёт понять, что я могу войти.

– Добрый день. Я Таисия Островская, мне назначено.

Женщина, стоявшая ко мне спиной, оборачивается, сметая острым как бритва взглядом, который быстро проходит по мне снизу-вверх, останавливаясь на лице. И если бы не компания мужчин, побывавших здесь передо мной, я решила бы, что именно моя персона вызвала столь негативную реакцию директора школы. Несколько секунд обжигающей тишины, и она берёт себя в руки, делает глубокий вдох и выдавливает улыбку.

– Таисия Константиновна, если не ошибаюсь? – приближается, протягивая ладонь, которая на ощупь оказывается холодной и неприятной. – Прошу, присаживайтесь.

Уверенно идёт к массивному кожаному креслу, чеканя шаг и выстукивая каблуками по паркету. Статная, высокая женщина лет сорока с идеальной осанкой и точёной фигурой, которой позавидовала бы любая модель. Строгий крас-

ный костюм сидит на ней идеально, а насыщенный цвет подчёркивает чёрные волосы, собранные в аккуратный пучок. Образец элегантности и строгости в одном флаконе, приправленный уверенностью и низковатым голосом с хриплыми нотками.

И пока Воропаева перекладывает бумаги, борюсь со своими руками, которые, кажется, живут своей жизнью и отказываются подчиняться.

– Знаете, когда у нас в городе жил человек по фамилии Островский. Звали его Константин Сергеевич. Прозвище было интересное такое... – щёлкает пальцами, прикрыв глаза.

– Парето, – подсказываю, и после моего комментария женщина замирает в ожидании. – Это мой отец.

– Насколько я помню, его жена и дочь погибли в аварии, а сам он по счастливой случайности остался жив.

– Информация была неверной. Спустя время СМИ опровергли это заявление, – повторяю слова мамы, которая поясняла данный момент. – Моя мама, как и отец, живы, прекрасно себя чувствуют.

– Там ещё история какая-то была с судом, обвинениями, тюремным сроком...

– Всё верно. Обвинения сняли позже, дело закрыли.

Ко всему, что интересуется Воропаева, я готова. Наивно было полагать, что никто не спросит о Парето, услышав фамилию Островская. Думаю, по этой причине отец настаивал на

смене фамилии для меня, но я готова, и если кто-то предположит, что мне есть чего стыдиться, он заблуждается.

– Что ж, данный момент прояснили. – А вот теперь улыбка женщины искренняя и максимально довольная, словно она только и ждала подтверждения своим догадкам. – Давайте перейдём непосредственно к вашему портфолио. – Открывает рядом лежащую папку. – После травмы вы выходили на лёд?

– Да. Через год встала на коньки, но о профессиональной карьере пришлось забыть, поэтому переквалифицировалась в тренеры. Последний год работала с младшей группой. Начинающими. К документам приложены рекомендации моего наставника и руководителя спортивной школы.

– Да-да, вижу, – просматривает листы, останавливаясь на моей фотографии и откладывая её в сторону. Не такая? Или же меня уже откинули? – Таисия Константиновна, я очень рада, что вы выбрали для работы именно наш город и школу. Нам необходимы специалисты с европейской школой фигурного катания, и вы как нельзя кстати появились в нужный момент.

– То есть я принята? – задерживаю дыхание, словно перед казнью в ожидании вердикта, но спокойный тон Воропаевой даёт надежду, что я задержусь в этом городе.

– Однозначно! У нас как раз набрана младшая группа, но они пока без наставника. Уверена, вы сможете найти к ним подход и воспитать достойных спортсменов.

Радость безмерна, а сердце колотится настолько сильно, что, кажется, даже Воропаева слышит, как оно грохочет.

– Спасибо, – стараюсь сдерживать радость, чтобы не показывать, как я желала получить это место. Так учил папа. – Когда приступать?

– Завтра. Но, – и сейчас она скажет то, что не очень меня порадует, – через неделю у нас торжественное мероприятие – пятнадцать лет нашей школе. Естественно, о выступлениях младшей группы речи не идёт. Но нас обязательно посетит мэр, а также известные в определённых кругах лица, дети которых посещают тренировки. Как любому родителю, им хотелось бы посмотреть на навыки и способности тренера, поэтому советую вам выступить. Достаточно короткой программы без сложных элементов. Если вы согласны, я прямо сегодня внесу вас в программу.

– Согласна. Если вы не против, я откатаю часть номера, представленного на чемпионате три года назад.

– Конечно, не против, Таисия. Это будет замечательно.

Воропаева едва не хлопает в ладоши, а я покрываюсь колючими мурашками, удивляясь, почему выбрала программу, перечеркнувшую мою карьеру. Но согласие уже дано, а номер озвучен, отступить означает потерять место и прямо сегодня вернуться домой. И пока я к этому не готова. Не готова расстаться с Гришей до момента чёткого и однозначного отказа.

– А сейчас пойдёмте.

Маргарита Анатольевна поднимается, утягивая меня за собой, но успевает вручить папку секретарю с указаниями на мой счёт. Радует, что оформление в отделе кадров обойдёт меня стороной, оставив время на действительно важные моменты.

С интересом осматриваюсь по сторонам, когда мы пересекаем большой холл, чтобы затем выйти к огромному катку, окружённому трибунами. Невероятный по своим размерам купол венчает арену. Под ним закреплены четыре экрана, позволяющие зрителям на последних рядах наблюдать за происходящим на льду.

– Нравится?

– Очень, – восторгаюсь, осматривая своё новое место работы и предвкушая завтрашний день.

– О, а вот и девочки! Эля, Света! – Ни крик Воропаевой откликаются две девушки, которые тут же спешат в нашу сторону. – Познакомьтесь, наш новый тренер – Островская Таисия Константиновна. Это Элина Рамазанова, – указывает на высокую смуглую девушку лет тридцати, – и Светлана Ветрова, – мне кивает вторая: рыжая, с приятным лицом, усеянным веснушками. – Девочки закончили профессиональную карьеру, став в нашей школе тренерами. Эля занимается со средней группой, Света набрала свою в прошлом году. Таисия займётся начинашками, – оповещает коллег, которые ни разу не перебили начальницу.

– Добро пожаловать.

– Приятно познакомиться.

Девушки настроены доброжелательно, от них исходит тепло и позитивный заряд, чему я рада, потому как на прежнем месте с коллегами мне не повезло. «Херов серпентарий» – именно такой комментарий отвесил папа, посмотрев со стороны на работников Школы фигурного катания. Именно тогда он и дал согласие на мой отъезд, позже убедив и маму.

– Вы пообщайтесь и покажите, пожалуйста, Таисии, как у нас тут всё устроено. Завтра её первый рабочий день. Родители с детьми соберутся к одиннадцати.

Воропаева разворачивается на каблуках, чеканя шаг прочь от нас, пока три пары глаз провожают её взглядом.

– Марго сегодня в хорошем настроении, – хмыкает Эля, складывая руки на груди. – Предполагаю, благодарить нужно тебя.

Девушки сосредоточенно изучают меня, не стесняясь, осматривают, делая, вероятно, какие-то свои выводы. А я не совсем понимаю, обрадовал их факт положительного настроения начальницы или же огорчил и меня ждёт новый серпентарий с более ядовитыми особями.

– Расслабься. – Света улыбается, похлопывая меня по плечу. – Мы рады новеньким. С Марго никто долго не работает. Год максимум, а потом уезжают или меняют место работы.

– Почему?

– Сука она, – заключает Эля. – Классическая конченная

сука.

– В каком плане? – желаю уточнить, чего мне ожидать от такой приветливой, как мне показалось, Воропаевой.

– Во всех, Тася. Можно же тебя так называть? Конечно же, только между собой, – уточняет рыжая девушка, а я согласно киваю. – С воспитанниками только официально. Пойдём.

Девчонки занимают место по бокам от меня и, взяв под руки, ведут вдоль трибун, чтобы затем выйти в боковой проход. Коридоры со множеством дверей, каждая из которых подписана, что удобно.

– Так, здесь у нас дополнительный корпус для тренировок. Их три помимо основного катка. Зал для аэробики и хореографии, – отворяет дверь, позволив заглянуть. – Составляем расписание, чтобы работать поочерёдно. Раздевалки, душевые, помещение для ведущих и приглашённых гостей, если проводятся соревнования. А это наша комната. – Света вталкивает меня в небольшое помещение, в котором несколько стульев, диван, стол, барный холодильник и телевизор на стене. – Здесь можно отдохнуть между занятиями, попить чай и оставить вещи. Дверь обязательно закрываем, ключ дам.

– А кроме вас ещё есть сотрудники?

– Конечно. – Эля плюхается на диван, откидываясь на мягкую спинку. – Здесь много людей работает. Просто ты пришла утром, тренировки обычно после обеда начинаются, а обслуживающий персонал трудится вечером или до деся-

ти. У меня занятия в час, у Светы в четыре три раза в неделю. С завтрашнего дня начинаем интенсивную подготовку к празднику. Знаешь о нём?

– Да. Откатаю короткую программу. Воропаева сказала, что это необходимо для того, чтобы родители воспитанников понимали, на что способен тренер.

– Я тебя умоляю, – цокает Света, закатывает глаза. – Ей нужно новое, желательное очень смазливое личико для привлечения спонсоров. А ты идеально подходишь!

– Для чего? – непонимающе смотрю на девочек.

– Обычно после соревнований и праздников проходят приёмы, а богатые козлы, приносящие деньги Марго, не прочь развлечься с красивыми фигуристками.

– Мне это не нужно... – шепчу, пока не понимая, какая связь между моими внешними данными и спонсорскими взносами. – И вообще, я даже с парнями не встречалась никогда.

Девчонки затихают, тяжело вздыхая и переглядываясь.

– Непросто тебе будет.

– Я приехала сюда работать. Мужчины, тем более старые козлы, меня не интересуют.

Меня интересует один. Тот, что сейчас ждёт в машине у ворот школы и, вероятно, бесконечно зол, чтобы ему приходится тратить время на несущественные занятия.

– Тогда совет: заканчивается мероприятие, и сразу тихо ускользаешь с глаз Марго. Через час берёшь трубку и гово-

ришь, что уже давно дома, вернуться не можешь.

– Сработает?

– Железно. Мы так последние полгода делаем.

– Она штрафные санкции не применяет? – интересуюсь, чтобы понимать, какие последствия возможны при отказе начальству.

– Применяет. Но поверь, я готова лишиться премии, лишь бы не ублажать очередного слюнявого мудака умными беседами и приторными улыбками. Кстати, замужних она не трогает после известного инцидента.

– А что было? – подвигаю стул ближе, нетерпеливо ожидая продолжения.

– Алиса понравилась спонсору. И не просто понравилась, мужик на стену лез, так ему хотелось именно её. Марго и так, и эдак уговаривала пойти навстречу. – Эля подмигивает. – Если ты понимаешь, о чём я.

Понимаю. Отсутствие мужчин в моей жизни вовсе не означает, что я не в курсе, что такое секс. Доступность информации в любой категории даёт понимание, что и как происходит в интимной жизни мужчины и женщины.

– В общем, – продолжает Света, – Марго палку перегнула, а Алиска мужу пожаловалась. А муж у неё непростой, работает в определённых структурах. Создал он этому спонсору такое количество проблем, что едва хватило средств откупиться. С тех пор Марго предпочитает брать на работу одиночек: нет проблем, некому защитить, и можно диктовать

условия, пригрозив увольнением.

– Поняла. Быть начеку. Спасибо, что проинформировали.

Пока не знаю, насколько правдива изложенная девочками информация, но рисковать не хочется. Отныне буду внимательнее в беседах с Воропаевой, обращая внимание на нюансы. Спрашиваю будущих коллег о правилах школы и интересуюсь, что именно будет на празднике, получая подробную программу. Вероятно, мой номер вставят вначале, потому как затем следует время выступлений официальных лиц и вручение наград.

Прощаюсь с девочками и по пути задерживаюсь на большом катке, чтобы досконально осмотреть лёд. Искусственный, как практически везде, но не синтетический. Не так просто поддерживать температуру при такой квадратуре, но, вероятно, Воропаева заботится о статусе своего учреждения.

Выхожу на улицу удовлетворённая результатами встречи. Напрягает лишь рассказ Эли и Светы, которые поделились со мной некоторыми аспектами жизни школы. А вот с целью запугать или предупредить – я узнаю позже. Спешу к воротам, где возле машины прохаживается Гриша, подгребая ногами снег и выдыхая облачка пара. Замедляюсь, чтобы иметь возможность полюбоваться мужчиной, мечтая, чтобы когда-нибудь он ждал меня не по приказу, отданному Парето, а исключительно по собственному желанию. Но Гриша, завидев меня, тут же запрыгивает в машину, а по выражению лица понимаю, что он заждался и его терпение на исхо-

де. Поэтому, чтобы не заставлять ждать, занимаю привычное место и произношу:

– На квартиру к отцу.

Глава 5

– Здесь уютно.

Осматриваю квартиру отца, в которой никогда не была, но знаю, что когда-то она выгорела полностью, став пепелищем. Большая спальня, гостиная, кухня и ещё две комнаты, скупо заставленные мебелью, словно фантазии дизайнера на них не хватило.

– Если учесть тот факт, что здесь было, да, уютно.

Гриша входит следом, заносит чемоданы, остановившись посреди комнаты и словно не решаясь двинуться дальше. Заглядываю в каждый уголок, удивляясь чистоте, хотя мне известно, что данная жилплощадь никогда не сдавалась в аренду. Пятнадцать лет пустоты, и сейчас именно здесь я начну новую жизнь. А какой она будет, зависит от множества факторов, один из которых нервно переминается с ноги на ногу, желая побыстрее от меня избавиться.

– Мама говорила, что здесь был пожар.

– Не пожар – взрыв, – уточняет Гриша, подходя к окну и выглядывая во двор. – Стену к соседям практически снесло, поэтому пришлось восстанавливать и их квартиру. Не знаю, почему твой отец не продал её, но мне пришлось потрудиться, чтобы привести это, – окидывает взглядом комнату, – в человеческий вид.

– Тебе?

– Именно. Несколько месяцев после приезда Парето в Турцию я пробыл с вами, а затем вернулся в Россию, заменив Островского на его должности. Параллельно восстанавливал эту квартиру, выплатил соседям компенсацию за ущерб, оставил её по своему вкусу.

– Неплохой у тебя вкус. Мне нравится, – падаю на широкий кремовый диван, проваливаясь в его мягкость и чувствуя усталость после тревожной встречи в школе.

– Нанял клининговую службу. Они здесь были вчера. Перед твоим приходом.

– Я могла всё сделать сама. Мне нетрудно.

– Зачем? – Гриша по-прежнему спиной ко мне, руки глубоко в карманах, а взгляд устремлён в окно. Он готов рассматривать даже кучу мусора, только не меня. – Можно заказать услугу, и всё сделают за тебя. Только посуды здесь немного, не подумал.

– Я куплю, – поднимаюсь и иду на кухню, чтобы обнаружить то небольшое, что может пригодиться в готовке.

Мгновенно возникает желание мчаться в торговый центр, чтобы дополнить свой быт необходимыми вещами. Впервые я предоставлена сама себе, не отвечая за Аню и Костю, не отчитываясь отцу и не живя по установленному графику. Свобода и настолько долгожданная, и сладкая, что я готова пользоваться ею по максимуму, совершая самые безрассудные и неординарные поступки, на которые только способна. Но ничего в голову не приходит. Не сейчас, когда за спиной вырастает

тает Гриша и мне приходится обернуться, чтобы встретиться с тёмным взглядом, который излучает тепло, так необходимое мне.

– Это тебе.

Протягиваю ладонь, и на неё опускается небольшая брошь в виде девушки-фигуристки, украшенная белыми и бирюзовыми камешками, переливающимися на солнце и создающие эффект движения пышной юбочки. Тонкая работа вызывает восхищение, и я поглаживаю подушечками фигурку, радуясь, словно ребёнок.

– Очень красиво, – шепчу, не отрываясь от блеска брошки.

– Я купил её давно. Для тебя. Хотел подарить на твой пятнадцатый день рождения. Но ты оборвала контакты, и доступа к тебе я больше не имел. Присылать не стал, ты бы не приняла.

– Но ты её сохранил?

– Надеялся когда-нибудь вручить.

Отрываю взгляд от брошки, сталкиваясь с Гришиным. В нём плещется нежность, обволакивающая и перехватывающая дыхание. Он близко настолько, что я замечаю морщинки в уголках глаз и едва заметную родинку на щеке; горбинку на носу, появившуюся вследствие перелома; небольшой шрам на губе, который когда-то был глубоким; складку на лбу, образовавшуюся от того, что мужчина часто хмурится, и ямочку на подбородке, к которой нестерпимо хочется

прикоснуться и провести пальцем. Я почти забыла его лицо, долгие пять лет отказывая себе даже в просмотре фотографий, стирая из памяти его образ, который, кажется, ещё больше вживлялся в меня, став неотъемлемой частью. И сейчас, всматриваясь в тёмное марево, плыву, раздавленная тем потоком чувств, который обрушивается в самый неподходящий момент, когда мы непозволительно близко друг к другу.

Внутри всё трепещет в ожидании действий, его или моих – неважно. Я будто зависла над пропастью, решаясь на самый отчаянный шаг, который представляла сотни раз в разных вариациях, и неожиданно для самой себя, оставив за спиной страховку и позабыв о риске для жизни, привстаю на цыпочки и прикасаюсь к губам Гриши, оставляя неумелый поцелуй.

– Тася, какого хрена?! – отшатывается, словно мои губы смазаны ядом, действие которого приведёт к неминуемой смерти. – Что ты делаешь, твою мать?! – срывается на крик, вытирает тыльной стороной ладони губы, избавляясь от моего прикосновения, будто это настолько омерзительно, что и я сама омерзительна и заразна.

– Я... – Голос предательски дрожит, не могу произнести ни единого слова. Едва дышу, глотая кислород, и с трудом выпуская его из себя. Брови мужчины сходятся на переносице, пока он ждёт от меня ответа, который озвучивать не имеет смысла, потому что он всё понял, кажется, ещё вчера, когда мы впервые встретились после многолетнего расставания.

ния. – Прости меня... Прости... Я не... Подумала, что...

Проигрывая в битве взглядов, срываюсь с места и бегу в ванную, чтобы, оказавшись внутри, закрыться на замок. Заткнув рот ладонью, мычу, проклиная себя за необдуманый шаг. Ему это было не нужно. Гриша смотрел так, словно я не Тася, которую он знает бесконечно долго, а я непонятное существо, которое вдруг посмело к нему приблизиться.

Идиотка. Глупая маленькая идиотка, которая нафантазировала невесть что, полагая, что мужчина, небезразличный и прочно засевавший в мыслях, ответит взаимностью. Никогда он не снизойдёт до той, что для него просто дочка Парето, ставшая временной проблемой.

Грохот закрывающейся входной двери расплзается вибрацией под ногами, и я понимаю, что Гриша ушёл, оставив меня с глупым поступком наедине. Сползаю по кафельной стене, сжимаясь в комок и превращаясь в невидимую точку во вселенной. Знаю, что я в квартире одна, но выйти не решаюсь, снедаемая стыдом и отчаянием. Просидев бесконечно долго в своём убежище, всё же нахожу силы подняться и ополоснуть водой заплаканное лицо.

Выхожу, всё ещё опасаясь возвращения Гриши, его криков и укоризненного взгляда, распарывающего надвое. Но здесь лишь я и тишина, успокаивающая своим молчанием. Встретиться с ним спустя пять лет и уничтожить до основания одним касанием тлеющий уголёк надежды. Опустившись на стул, закрываю глаза, прокручивая момент своего

фиаско, и вновь ругаю себя последними словами за невозможность сдержаться. Брошь, оставленная на столе, привлекает внимание, и я кручу фигурку в руках, не испытывая первоначальной эйфории. Теперь она вещественное напоминание безразличия того, кто заполнил моё сердце, а затем дал понять, что оно ему и даром не нужно.

Где-то вибрирует телефон, но я не могу заставить себя подняться, опасаясь, что звонит Гриша. Хотя кого я обманываю. Я последняя, кого этот мужчина пожелает видеть в своей машине и жизни. Теперь уж точно.

Всё же плетусь в гостиную, долго роюсь в сумке, наконец найдя телефон. Принимаю вызов от мамы, позвонить которой я забыла, увлечённая собеседованием и Гришей.

– Привет, мам.

– Тась, ну кто так делает? Я уже извелась в ожидании твоего звонка и новостей. Что там? Как?

– Всё хорошо, – стараюсь, чтобы голос звучал ровно, не выдав подавленности. – Была на встрече, меня приняли, завтра выхожу. Буду работать с малышами. Комплекс большой, современный. Познакомилась с девочками-тренерами, немного пообщались, но подробности уже в процессе.

– Замечательно! – Мама выдыхает. На заднем плане слышу шёпот Аньки, которая, видимо, подначивает маму что-то у меня спросить. – Аня спрашивает, ты надолго там задержишься?

– Посмотрим, – абстрактный ответ, не позволяющий разо-

чаровать родных, потому как возвращаться я не собираюсь вовсе. – Через неделю в школе праздник, будет торжественное мероприятие.

– Надеюсь, ты не выступаешь? – Тревожные нотки, проскакивающие в голосе матери, заставляют скрыть правду и наглым образом солгать. Во благо ей и папе, который приложил немало усилий, чтобы вытащить меня со дна депрессии.

– Нет, конечно, – закусив губу, вру маме, не желая добавлять переживаний, которыми она поделится с папой. – Буду в качестве зрителя.

– Тась, напоминаю: тебе запрещены нагрузки на ногу. Только спокойное катание максимум два часа. Никаких вращений, спиралей, акселей, волчков и прыжков.

– Мам, я помню рекомендации врача. Ты повторяла мне это каждую неделю, не позволяя нарушить правила. Я не забыла.

– Вот и хорошо. Ты моя умница! Гриша с тобой?

Вопрос пронзает воспоминаниями произошедшего пару часов назад, заставляя зажмуриться до тёмных кругов перед глазами и выдать ответ.

– Привёз меня в квартиру. Недавно ушёл.

– В смысле «ушёл»?

– Папа просил лишь встретить меня и в случае приёма на работу отвезти на квартиру. Где находится школа, я знаю, способна добраться самостоятельно.

– Тася, я с ним говорила и просила не оставлять тебя одну

хотя бы первое время, пока ты не привыкнешь к самостоятельной жизни и этому чёртовому городу! Я спать не смогу, если постоянно буду думать, что ты совсем одна и в случае беды никто не придёт на помощь.

Гриша теперь точно не придёт, скрывшись из поля моего зрения. Сомневаюсь, что позвонит, хотя ещё вчера требовал, чтобы мой телефон был для него доступен, но уже сегодня сожалеет о моём появлении в этом городе и его жизни.

– Мам, что может случиться?

– Знаешь, когда-то я была уверена, что с хорошими людьми никогда не случаются плохие вещи. Но ирония этой жизни такова, что именно хорошим людям достаётся значительное количество горестей. У меня была ты. Когда в жизни есть нечто, что заставляет подниматься после каждого падения и упорно двигаться в выбранном направлении, силы не иссякают. И сейчас я понимаю, что встретила Костю в тот самый момент, когда моих сил оставалось лишь на один шаг.

– В отличие от тебя, у меня есть родители, Ароновы и Гриша, – запнувшись на его имени, сглатываю, чтобы продолжить разговор: – Со мной ничего не случится.

– Я позвоню Грише и попрошу вернуться.

– Не надо! – выкрикиваю, удивляясь собственной реакции, но тут же говорю более спокойно: – Мам, у него своя устоявшаяся жизнь, да и личную никто не отменял. Он не обязан нянчиться со мной, как много лет назад, да и я уже давно не ребёнок.

– Хорошо, – со скрипом соглашается, – но всё равно попрошу его заезжать к тебе почаще.

– Договорились.

Вот только мама не подозревает, что теперь, вероятнее всего, ничто не заставит Гришу выполнить приказ отца и приглядывать за мной на постоянной основе. Редкие звонки и ещё более редкие приезды – это всё, к чему он будет готов после признания девочки Таси, у которой нет опыта взаимодействия с противоположным полом и навыков сокрытия неудобных чувств.

– Звони, пожалуйста, чаще. Ладно?

– Обещаю. Люблю тебя, папу и мелких.

Отключаюсь и понимаю, что я уже соскучилась по семье, которая теперь бесконечно далеко от меня. Впервые мы порознь, отрезаны друг от друга моим стремлением к самостоятельности и надежде на новую, пока неизвестную для меня жизнь. Предвкушая свой приезд, уже была счастлива лишь этой мыслью, но сегодня осознала: единственное, что притягивало моё сердце, останется чужим и недостижимым, неспособным согреть и подарить счастье.

Телефон оповещает о сообщении, а открыв его, вздрагиваю.

Гриша: Во сколько тебя завтра забрать?

На секунду представляю неловкость и смущение, которое буду испытывать рядом с тем, кто так эмоционально воспринял мой порыв, лишь одним жестом показав никчёмность

рвущихся из меня чувств, и не понимаю, как смогу выдержать рядом с ним даже минуту. Стыд охватывает, сметая пониманием, что Гриша лишь посмеётся над той, что грезила им несколько лет, не имея даже мизерного шанса на взаимность. Поэтому быстро набираю сообщение и отправляю текст, пока не передумала.

Я: Дорогу знаю. Справлюсь сама. Помощь не требуется.

Вероятно, сегодня я его видела в последний раз. Наверное, так даже лучше: полное отсутствие иллюзий встряхивает, заставляя трезво оценить свои шансы на счастье. Которых теперь у меня нет.

Глава 6

Выхожу из дома в десять, что иметь время добраться в школу и ещё раз осмотреться перед встречей-знакомством. Я не переживаю, что меня будут придирчиво рассматривать и оценивать, трепет касается лишь того, кто пропал вместе с моим коротким сообщением. Но как только выхожу из подъезда, на пути возникает внушительный блондин. На нём пуховик и высокие военные берцы, зашнурованные поверх штанов. Грозный вид мужчины напрягает, и я мгновенно отступаю, готовая скрыться в подъезде.

– Таисия? – Он знает моё имя, поэтому его присутствие здесь неслучайно.

– Да. – Мой писк гаснет в сбившемся дыхании.

– Меня Ярый прислал.

– Ярый? – непонимающе пялюсь на блондина, ожидая разъяснений.

– Григорий Яров.

– А-а-а... Понятно. – Где-то внутри сжимается неприятный комочек обиды на того, кто не осмелился приехать сам, поручив заботу обо мне совершенно чужому человеку. Что ж, видимо, это всё, чего я теперь заслуживаю.

– Точное время не указал, поэтому я уже час тут жду. Меня Левый зовут.

– Странное имя.

– Андрей Левый, все называют по фамилии, привыкли. Мне приказано отвезти вас в Школу и исполнять любые указания. Едем?

Киваю и иду к чёрному огромному внедорожнику, а когда блондин услужливо отворяет передо мной дверцу, с трудом забираюсь в высокий автомобиль. В машине тепло и комфортно, и Андрей, устроившись за рулём, потирает ладони и дует на них, чтобы согреться. Видимо, парень всё это время стоял на морозе, чтобы не пропустить меня, а уточнить время Гриша не осмелился или же не хотел лишний раз связываться со мной.

Никогда бы не подумала, что невинный поцелуй отпугнёт взрослого мужчину. Если я и ожидала негативной реакции, то однозначно не такой. Он ведь мог объяснить свою позицию и сказать, чтобы я не рассчитывала на взаимность. Но Гриша поступил банально – исчез с моего горизонта, поручив заботу обо мне другому человеку. Сложности ему ни к чему.

– Вас подождать? Или приехать ко времени? – Блондин интересуется, как только останавливается на парковке.

– Андрей, ждать не нужно, потому что сегодня мой первый день, и когда освобожусь, пока неизвестно. И приезжать не нужно, я без проблем доберусь сама.

– Но мне приказано другое...

– Вы же полчаса назад сказали, что должны исполнять мои указания?

– Да, – кивает парень, видимо, вспоминая, что произносил.

– Так вот, ждать и забирать не нужно. Приятно было познакомиться.

Не дожидаясь ответа, закрываю дверь и иду к входу. Уже на ступеньках оглядываюсь назад, наблюдая, как Андрей разговаривает по телефону, не выпуская меня из вида. Наверное, звонит Грише, что уведомить: клиентка несговорчива и от его услуг отказалась. Меньше всего я хочу привлечь к себе внимание, а машина с личным водителем делает меня очень заметной.

Охранник, вспомнив меня, сразу понимает, с какой целью я в Школе, и выдаёт ламинированный пропуск для турникета. Очень вовремя и оперативно, что несказанно радует. Иду по уже знакомому маршруту, направляясь к комнате девочек, но вспоминаю, что Света мне ключ так и не дала. Но я всё равно дёргаю ручку, дверь не заперта, что сразу делает мой день лучше. Оставляю вещи и отправляюсь на поиски Воропаевой, чтобы узнать, где будет проходить собрание.

Но, оказывается, меня уже ждут в конференц-зале с большим экраном и множеством мест, часть из которых уже занята. Встреча проходит сдержанно и спокойно, что радует Марго, которая расписывает мои достоинства, словно я олимпийская чемпионка, а по факту имею третье место в единственном в моей жизни Чемпионате мира. Но, судя по всему, Воропаева так восторгается моими заслугами, что через час

ими начинают восторгаться и все присутствующие, посматривая на меня с одобрением и улыбкой.

Что радует, меня никто не спрашивает о том злополучном Чемпионате, травме и долгой реабилитации, после которой я вернулась в фигурное катание. И мне это нравится. Напоминание о самом гадком периоде моей короткой жизни каждый раз отдаётся глухой болью внутри, заставляя сжиматься и прятаться в свою раковину, где под толстым панцирем могу отдышаться. Я так привыкла это делать, что уже, кажется, не способна воспринимать бестактные вопросы адекватно. Я поделилась своими переживаниями с психологом, частично с отцом, и больше желания делиться у меня не возникало. В такие моменты кажусь себе беспомощной и жалкой.

– Всё прошло отлично, – Марго скачет вокруг меня, – родители в восторге. Кстати, дама в белой шубе – жена председателя Центрального банка.

Если по мнению Воропаевой данная информация должна была меня впечатлить, то я не впечатлилась и по этой причине не одариваю её в ответ довольной улыбкой.

– Мне всё равно, кто их родители. Главное – дети, я же буду работать с ними.

– Тасенька, – щебечет Марко, подхватывая меня под локоть, пока мы неспешно идём по коридору, – понимаешь, есть очень важные родители.

– Как женщина в белой шубе?

– Именно! Их дети приходят сюда в надежде добиться

успехов, стать лучше, выделиться, поэтому иногда, даже если у них не особо получается, мы всё равно их хвалим. Понимаешь?

– То есть мы их хвалим за то, что у них состоятельные родители? – задаю вопрос прямо, чтобы понимать, чего хочет от меня Воропаева.

– Не совсем так. Мы их хвалим за заслуги. Их родителей. – Натянутая улыбка Марго выглядит неестественно, но она изо всех сил старается донести правильность своих суждений. – А они, в свою очередь, не скупятся на спонсорскую помощь и делают всё возможное, чтобы их замечательное чадо было довольно. Похвалить ведь несложно, правда?

– Согласна.

– Ну вот, мы друг друга поняли. К тому же у тебя малыши, которые год будут становиться на коньки. Мы не говорим о региональных соревнованиях и чемпионатах, поэтому можно хвалить чуть больше, – показывает пальцами величину этого самого «чуть», и я понимаю, что удовлетворение родителей – основная задача этого учреждения.

– Я поняла вас, Маргарита Анатольевна.

– Вот и молодец! – Марго вновь порхает вокруг меня. – У тебя занятия три раза в неделю: понедельник, среда, пятница. Но на этой ты свободна из-за подготовки к празднику. Прогони свою программу, отработай на катке, привыкни ко льду, чтобы через неделю показаться гостям. Не переживай, ты устроена с сегодняшнего дня, эта неделя будет оплачена.

– Спасибо.

– Не за что, Тася. Я очень рада, что ты у нас появилась
Иди к девочкам.

Так и стою посреди коридора, наблюдая, как Воропаева почти вприпрыжку удаляется в сторону кабинета, оставив неоднозначные ощущения. Мне уже не нравится то, что я узнала о принципах работы школы, но отступить некуда. Отказ работать автоматически вернёт меня под крыло отца.

Поэтому заталкиваю недовольство глубоко в глотку и иду искать девочек, которых нахожу на тренировочном катке.

– Тась! – окликает Света, подкатываясь к бортику. – Как прошло?

– Привет. Нормально, наверное, – пожимаю плечами, потому что, судя по порхающей Воропаевой, встреча прошла более чем отлично. – Марго довольна и весела. Только я не поняла, – оглядываюсь, не желая присутствия лишних ушей, – вы хвалите воспитанников, исходя из статуса их родителей?

– Да, – девушка поджимает губы, опуская взгляд, – так заведено. Контингент разный: часть действительно имеет способности, которые легко развивать, направляя к цели; часть пробует себя в фигурном катании и пока не определились, желают ли посвятить этому свою жизнь; а часть – примитивные бездарности, пришедшие сюда, потому что мама или папа проснулись утром и решили, что их чадо станет великим спортсменом. Как правило, бездарности имеют самых вли-

ятельных и богатых родителей, перед которыми Марго пригибается и ублажает с особым рвением. И подталкивает к этому нас. Противиться бесполезно, иначе просто лишишься своего места.

– Поняла, – вздыхаю, потому что остаётся лишь смириться с установленными правилами и плясать под дудку Воропаевой.

Пусть так и будет первое время, пока буду работать с малышами и присматривать иные варианты. Возможно, в другом городе.

– Что делаешь? – перевожу тему, потому как появляются незнакомые мне девушки, скидывающие вещи на скамью и собирающиеся занять каток.

– Откатываю праздничную программу. Скоро Эля придёт. Ты когда?

– А когда здесь никого нет?

– После шести. А в семь только охранник. Любишь одна кататься?

– Да. Так больше нравится. – И так никто не увидит, если моя нога вывернется, и я распластаюсь посреди катка, собирая по кусочкам свою гордость. – Занятия у меня начнутся только после праздника, поэтому я поеду в торговый центр, вернусь позже. Но у меня ключа нет от нашей комнаты. Не хочу тащить с собой вещи.

– Держи. – Света достаёт связку, снимает ключ и вручает мне. – Теперь можешь приходить в любой момент.

– Спасибо.

Девушка отталкивается от бортика и делает большой круг, завершая прыжком, который мне теперь противопоказан. Дикая зависть просыпается внутри, подначивая исполнить элементы, которые запрещены для исполнения моим врачом. Но ведь никто не увидит? Мама и папа точно, а узнать не смогут.

Надеваю куртку и хватаю сумку, прежде осмотрев содержимое, среди которого устроилась подаренная Гришей брошка, ставшая напоминанием моей ошибки и конца того, что так и не началось для нас. Приятно осознавать, что вещь была куплена специально для меня много лет назад и он её хранил, чтобы когда-нибудь всё же подарить. Подарил... Поглаживаю фигурную поверхность, украшенную камушками, и улыбаюсь, вспоминая, с каким трепетом Гриша вручал подарок. Если бы не моя импульсивность и неспособность анализировать ситуацию мгновенно, этого бы не произошло.

Вызываю такси и направляюсь в город, где несколько часов хожу по магазинам, скупая необходимые для жизни вещи, отсутствующие в квартире. Немного кухонной утвари, повседневная домашняя одежда и продукты для сегодняшнего ужина. Намного проще заказать еду, но иногда я люблю готовить что-нибудь вкусное. Мама пыталась мне привить любовь к кондитерским изделиям, но, увы, той эйфории от десертов, что испытывает она, мне не суждено ощутить.

Затем просто гуляю по городу, рассматривая улочки и до-

ма, забредаю в парк, где устраиваюсь на скамейке и сижу, пока замерзаю окончательно. И думаю о Грише. Его образ стоит перед глазами, а неприятный жест, стирающий следы моего поцелуя с губ, отдаётся пульсирующим покалыванием в груди. Я настолько ему противна? Мама часто говорила, что я красивая, а папа поддерживал это мнение, да и мужчины на меня засматривались, одаривая комплиментами, но сама я себя особенной никогда не считала. И даже многочисленные подарки поклонников в шестнадцать лет не производили особого эффекта.

Сколько себя помню, в моих мыслях всегда присутствовал *он*, не позволяя переключиться на кого-либо другого. А если это и происходило, я всегда неосознанно сравнивала всех с Гришей, который являлся безоговорочным фаворитом. И оттого сейчас втройне больше, когда меня заполняет осознание: я сходила с ума по образу, оригинал же значительно отличается.

Возвращаюсь к семи, беру свои коньки и иду на каток, который приветливо встречает меня полумраком и тишиной. Ступаю на лёд, ощущая, с какой лёгкостью скользят лезвия, унося меня в большой круг. Набираю скорость и, расставив руки, закрываю глаза, чтобы слиться с тишиной и хрустом, сопровождающим каждое движение. Бесподобное чувство свободы и пространства, в котором ты паришь и двигаешься как пожелаешь.

Спустя пятнадцать минут и несколько кругов решаюсь на-

рушить запрет и выпрыгиваю в аксель в два оборота, приземляясь на правую здоровую ногу. Меня захватывают необыкновенные ощущения, и в этот момент я решаю, что обязательно исполню его в программе на праздничном мероприятии. Я могу попробовать бильман и волчок, но после четырёх прыжков подряд не решаюсь дать нагрузку на проблемную ногу и качусь к бортику, где меня ждёт... Гриша.

Не знаю, сколько он здесь находится, но, судя по выражению лица, недоволен. И я предполагаю, моим отказом Андрею и желанию самостоятельности.

– Привет, Тась. – Голос шелестит, словно мы вернулись во вчерашний день до момента его негодования.

– Привет, – опускаюсь на лавочку, расшнуровывая коньки и надевая ботинки.

– Почему отказалась от водителя?

– Я не VIP-персона. Не нужно меня контролировать, возить и ждать часами. Я вполне могу быть самостоятельной, – произношу каждое слово, всё ещё не решаясь взглянуть на него. – В курсе, что приказал папа и о чём просила мама, но у тебя своя жизнь, а я лишь временный элемент, доставляющий неудобства. Мне необходимо научиться жить самостоятельно, полагаясь лишь на себя.

– Я за тебя переживаю, – звучит над моей головой, и я сглатываю, желая, чтобы его слова оказались правдой. Но это не так, и вчера Гриша дал мне понять, что справляться придётся самостоятельно.

– Не стоит, правда.

Поднимаюсь, наконец решаясь посмотреть в тёмный взгляд, в котором плещутся... стыд и смущение. Почему? Он словно на моём месте: девочки, которая посмела прикоснуться к тому, о ком давно мечтала, и её мечты были скомканы и выброшены в мусорку. Или же это стыд, потому что не смог объяснить, сорвавшись и покинув меня? Не желаю гадать и направляюсь к выходу, по пути забрав вещи и пакеты с приобретениями, которые Гриша молча забирает и несёт к машине.

– Я отвезу домой.

– Не стоит... – мнусь, не зная, как отказать и остаться одной, чтобы не пребывать в смущении в закрытом пространстве долгих полчаса.

– Садись, – не просьба – приказ, которому приходится подчиниться.

Вжимаюсь в сиденье и забиваюсь в угол, чтобы в темноте Гриша не рассмотрел панику в моих глазах. Я вновь испытываю трепет рядом с ним, сминая пальцы и желая, чтобы эта чёртова машина ехала быстрее, а на светофорах не появлялся красный. Бесконечное количество минут, утонувших в тишине, наконец заканчивается, когда машина останавливается у главного подъезда.

– Тась... – окликает Гриша, всё же желая продолжить разговор.

– Не надо. Не стоит, – останавливаю, чтобы не сказать

лишнего и не быть уничтоженной его словами. – Я всё поняла вчера. Ещё раз прости.

– Мы сможем общаться нормально? – Меня гипнотизирует пыливый взгляд.

– Не знаю.

Натягиваю капюшон, пряча глаза, застланные подступившими слезами и, собрав пакеты, спешу оказаться подальше от Гриши и тех чувств, что вызывает во мне этот мужчина, который никогда не будет моим.

Глава 7

Яров

Блядь.

Единственное слово, которое крутится в мыслях со вчерашнего дня. Сразу после того как Тася прикоснулась к моим губам, вызвав тем самым необъяснимую и жёсткую реакцию, которую я сразу же вывалил на неё. Охренел настолько, что поспешил стереть с губ её отпечаток, словно доказательство чего-то преступного и наказуемого.

Это ведь та самая маленькая Тася, которую я закрыл собой, не думая о последствиях. Как зарубка два шрама, которые каждое утро напоминают о том самом дне. Парадоксально, но все остальные отметины на теле не вызывают эмоций, а причины появления некоторых и вовсе забылись.

И мне бы отпустить ситуацию, чётко и по пунктам объяснив Тасе свою позицию и убеждения на её счёт, но я боюсь, что это увеличит между нами и так разразившуюся пропасть. Да, блядь, боюсь. Потому как то мимолётное, промелькнувшее в её взгляде, даёт понять – Тася испытывает ко мне нечто иное, совсем не похожее на дружеские чувства, возникшее давно и основательно укоренившееся.

Почему-то вспоминаю двоюродную сестру Нинку, которая с восьмого класса была влюблена в нашего учителя географии. Оказывала ему знаки внимания, провожала домой,

а на школьных дискотеках всегда приглашала на медленный танец, в котором он ей не отказывал. Весь посёлок над ней подшучивал, а ей было плевать, и вплоть до выпуска из школы Нина таскалась за мужчиной, надеясь на взаимность, которой в итоге не получила. Уехала, поступила в институт, а затем познакомилась со своим будущим мужем, с которым состоит в браке уже двадцать лет. Но часто повторяет, что, возможно, чувства к взрослому мужчине, ставшему мечтой, до сих пор самое невероятное, что она испытывала.

И теперь становятся понятны странная реакция на мои касания, бегающий взгляд, смущение и робость, возникающие при моём приближении. За пять лет многое изменилось. Она сама изменилась, неожиданно превратившись в красивую женщину, способную привлечь внимание любого мужчины. Но не моё. Повторяю снова и снова, будто мантру, чтобы убедить самого себя и не позволить Тасе увидеть больше, чем необходимо. Не имею права. На неё уж точно. Малолетка, пока не столкнувшись с настоящими чувствами, способными принести радость и насыщение.

Что она знает обо мне? Ни хрена. Много лет звонков, сообщений и общения по видеосвязи. Не могу знать, что там себе Тася нарисовала, но идеалом я уж точно не являюсь, а бывшая жена этот факт подтвердила, когда напоследок вывалила на меня кучу дерьма, обозвав бесчувственным гондоном, не умеющим обращаться с женщинами, дополнив «приятным» пожеланием, чтоб я сдох. Козлом я быть умею, и это

главная причина, по которой Тасе ко мне приближаться не стоит.

Парето звонил сегодня два раза, а вчера до меня добралась Лена, умолявшая находиться рядом с дочерью и не выпускать из вида. И теперь подходить к Тасе опасно, словно передо мной моргает огромная неоновая вывеска «не приближайся», а нарушение грозит ударом тока, который остановит моё сердце.

Единственное, что я сделал вовремя, – подарил Тасе брошь. Она хранилась долгих четыре года, чтобы вчера оказаться в руках той, кому предназначалась. Безумно дорогая вещица, которую я заказал на её пятинадцатилетие, так и осталась тоскливо пылиться в сейфе. Мила её нашла и долго выпрашивала, желая получить красивый предмет, но я не позволил к ней даже прикоснуться. А вчера предусмотрительно затолкал в побрякушку маячок, который теперь даёт возможность отслеживать передвижения Таси без уточнения маршрута. Неправильно с моей стороны контролировать её подобным способом, но так я спокоен и всегда знаю, в какой части города находится девушка, чтобы расписать подробный маршрут Парето, требующему отчёта.

Выкуриваю сигарету, затягиваясь так, что лёгкие покалывает, а сквозь дым пробивается кашель, пока точка на экране телефона не оказывается в нужном месте. По-хорошему засунуть бы маячок в её мобильник, но теперь к нему не подобраться. Меня и разблокировали-то через пять лет только

по убедительной просьбе Островского, на большее не имею права, а после вчерашнего укола в сторону Таши тем более.

Закрываю глаза и вновь возвращаюсь во вчерашний день, где серебристая бесконечность, переливающаяся множеством бликов, засасывала меня, не позволив вовремя среагировать на краткое движение женских губ. Едва коснувшись, Тася взбесила всех моих демонов разом, заставив ощепиниться и сорваться с поводка. И то, что я чувствовал в этот момент, мне не понравилось. Плюсом мелькает навязчивая картинка обнажённого тела в душевой, и готов взречь, что не могу стереть эти моменты, забыв о них к херам.

На телефон падает сообщение, напоминая о встрече. Липницкий ждёт в своём ресторане «Джокер», к которому я подъезжаю через двадцать минут и, миновав человек десять охраны, прохожу по боковому коридору в уже знакомый кабинет.

– Опаздываешь, Ярый, – прилетает на входе.

– Дела, – отмахиваюсь, потому как срать хотел на его претензии.

Арсений по обыкновению в белоснежном костюме, за что и получил прозвище Белый. И в побрякушках, словно он затерялся в девяностых, а толщина цепи на шее безошибочно позволит определить статусность. Ему чуть за сорок, но залезанные гелем волосы, которые он постоянно приглаживает ладонью, прибавляют лет десять.

– Что по нашему делу?

– Всё просто. Как только ты даёшь отмашку, что обговоренная сумма собрана, оформляем документы, и собственность Островского переходит к тебе.

– Я почти собрал необходимое. Надеюсь, ты не ведёшь двойную игру, Ярый, – перегибается через стол, нависая, от чего блестящая прядь отлипает и падает на лицо. – Конкурентов не потерплю.

– Конкурент у тебя только один, – намекаю на мэра, которого стоит опасаться Липницкому.

Но Звонова он всерьёз не принимает, что само по себе ошибочно. Не брать в расчёт человека, которому принадлежит половина города, тупость чистой воды. Но амбиции Белого засовывают инстинкт самосохранения в задницу, а толпа охраны создаёт видимость безопасности.

– Он предложил больше?

– Он ничего не предлагал.

– Недостаточно нулей на счетах? – Белый смакует своё превосходство, упиваясь выигрышной позицией, но сам того не понимая, оказывается проигравшим.

– Он не привык покупать – он привык брать. Разницу чувствуешь? И всё, что у него имеется, он взял, не спросив разрешения.

– Но собственность Парето ты отстоял. Скажи-ка мне, Ярый, как так получилось, что долгих пятнадцать лет все обходили тебя стороной? – Глаза Белого неприятно прищуриваются, превращаясь в тонкие просветы, в которых едва раз-

лично просматриваются зрачки. – Островский давно греет свою задницу за границей, а ты лишь мальчик на побегушках, который решает его дела и содержит объекты в чистоте и порядке.

– Ты пригласил меня, чтобы выяснять, какую позицию я занимаю в цепочке интересов Парето?

– Нет, – откидывается на спинку широкого кожаного кресла, закуривая сигару и отпивая виски. – У меня есть условие: я хочу, чтобы документы подписал лично Островский. Не левый человек с доверенностью и непониманием, что происходит, а сам Константин Сергеевич.

– Это условие невыполнимо.

– А ты постарайся, – шипит, бросая сигару в стакан, отчего жидкость выплёскивается на белый костюм, вызывая ярость Липницкого.

– Это. Условие. Невыполнимо, – чеканю каждое слово, повышая тон, чтобы сидящий передо мной человек понял, что торговаться не в его интересах – Если данный момент непреодолим и является для тебя основополагающим, сделка отменяется.

Резко поднимаюсь и, не дожидаясь реакции, направляюсь к двери, но, взявшись за ручку, останавливаюсь, услышав:

– Пусть это будет хотя бы тот, кого я знаю, например, ты.

– Нет, – стою спиной, ожидая дальнейшие варианты, но молчание и отборный мат дают понять, что фантазия у Белого херовая.

– Ладно, но это должен быть человек, которому я смогу доверять.

– Я подумаю, что можно сделать.

Не удостоив Липницкого взглядом, распахиваю дверь, за которой собралась, кажется, вся нанятая им охрана. Здоровые, неповоротливые парни в белых костюмах под стать хозяину вызывают смешки окружающих. Не спеша проталкиваюсь через них, покидая ресторан и еду домой, чтобы остаться наедине с тишиной и новой проблемой.

Парето вернуться в Россию не может. Пока. Да и ни к чему рисковать собственной шкурой ради того, чтобы поставить закорючку на стопке бумаг. Мне тоже нельзя фигурировать в документах, потому за мной тянется тонкий хвостик, напоминающий о себе пометкой о статье, по которой я сидел. Я скромный владелец охранного агентства, услугами которого пользуется преимущественно Роберт Аронов – кандидат в мэры и соперник Звонова на предстоящих выборах.

В папке, которую Парето передал с Тасей, документы на квартиру, принадлежащую теперь ей, и несколько объектов в соседней области, не представляющих особой ценности, но являющихся грузиком, от которого стоит избавиться. Островский решил скинуть всё, оставив лишь бизнес за границей и разорвав все связующие звенья с Россией. И если ещё лет восемь назад он намекал на возвращение, теперь его поведение даёт понять, что вряд ли когда-нибудь встретимся лично. Предполагаю, это условие Лены, которая ненавидит

город, который наполнил её жизнь неприятными событиями и заставил прожить самые дерьмовые моменты. Отчасти я её понимаю.

С большим удовольствием рванул бы куда-нибудь, оставив позади всё не сложившееся. Только рвать некуда, и, куда бы я ни приехал, меня никто не ждёт. Вот и сейчас, переступив порог квартиры и столкнувшись с привычной тишиной, вспоминаю, что тридцать девять лет прожито, а у меня толком ничего нет.

Мила свалила два года назад, выдержав рядом со мной почти три и не оставив после себя ничего светлого. Я ведь был уверен, что получится, срастётся, склеится... В какой-то момент даже о продолжении рода задумался, вот только жена мне с гордостью заявила, что таким, как я, быть родителем не суждено, да и дети ей не нужны.

У Парето трое. Лена осчастливила Островского дважды, а если брать в расчёт Тасю – трижды, и роль отца как нельзя лучше ему подходит. Мелкий так вообще его грёбаная копия, словно ксерокопию сделали, и вот вам Парето в уменьшенном формате с таким же дьявольски хитрым взглядом. Кажется, за много лет даже Тася стала на него похожа, сохранив от матери лишь цвет глаз, которые на меня действуют гипнотически.

Плетусь в душ, но замираю на несколько секунд перед зеркалом, вновь всматриваясь в две отметины слева под ключицей, способные всколыхнуть воспоминания и вновь вернуть-

ся мыслями к Тасе. Не нравится мне то, что вызывает во мне эта девчонка, но в момент нашей встречи после пятилетнего перерыва осознал, что Тася пробуждает нечто ленивое и почти мёртвое, заставляя звенеть внутренности.

– Нельзя, – произношу, глядя на себя в зеркало и убеждая в недееспособности всего, что только что молнией пронеслось в голове. – Вспомни, что она ребёнок.

Хрен там! Чёртовы картинки стёрты, и девочка со смешным помпоном на шапке теперь нечто абстрактное и почти чужое, не имеющее отношение к той, что вчера сделала первый шаг. Как это произошло? Неважно, потому что приближаться нельзя. Трогать нельзя. Смотреть нельзя.

Стою под прохладным потоком воды, смывая напряжение и этот чёртов день, а выхожу с намерением набрать Парето.

– Липницкий хочет тебя.

– В каком смысле?

– Хочет, чтобы бумаги ты подписал лично. Своего рода гарант безопасности сделки.

Островский напрягается, раздумывая минуту и награждая меня прерывистым дыханием.

– Я планировал перекинуть по доверенности на другого человека, которой и проведёт необходимые манипуляции. Что будет дальше, меня не интересует. Но Белый единственный, кто готов дать озвученную сумму, и, возможно, придётся пойти на некоторые уступки.

– Ты прилетишь? – замираю с сигаретой в зубах, приго-

товившись подкурить, не веря, что Островский появится в этом городе снова.

– Нет. Но гарант предоставляю. Я хочу избавиться от этого дерьма и представить Лене доказательства, что ничего более не связывает меня с данным местом. Это было её условием.

– Условием?

– Давно, – прокашливается, не спешит делиться подробностями отношений с женой. – И напоминает стабильно раз месяц. Переиграем немного и дадим Белому то, что он хочет. Все последующие действия как планировали. Документы передам через несколько дней с надёжным человеком. Как ведёт себя наш мэр?

– Спокойно. Держится на расстоянии, Липницкого не провоцирует, сделкой не интересуется.

– Что думаешь?

– Думаю, это херово. Не нравится мне показная безразличность Звонка. Этот сучёныш подобен тебе – каждое действие со смыслом.

– Он мог попробовать всё отжать?

– Не мог. Объектов много, да и парней у меня немало. Нужно целую армию положить, чтобы забрать всё, на что его глаз ляжет. Но сбрасывать со счетов его нельзя. Он вступит в игру, вопрос только в том когда.

Обстановка накаляется, а вокруг сделки вертится нечто незримое и пока размытое, но в итоге обязательно проявится. И приезд Таси совсем не в тему, рисковать своей шкурой

я привык, но теперь отвечаю не только за себя.

– Как там Тася? – Голос Парето врывается неожиданно. Слишком резко перескочил на другую тему, не позволив переобуться.

– Сегодня была в спортивной школе. Вечером забрал, отвёз домой.

– Как у неё настроение?

«Дерьмово», – хочется ответить, но так как причиной этому являюсь я, лучше Островскому не знать.

– Накупила кучу всего для квартиры. По-моему, довольна.

– Наблюдай за ней, присматривай.

– Слушаюсь и повинуюсь. – С моих губ слетает едкий смешок прежде чем Парето отключается.

Проверяю местоположение Таси и, убедившись, что мелкая в квартире и остаётся на одном месте, успокаиваюсь. Завтра её водителем вновь станет Левый, а я буду держаться на расстоянии, чтобы не провоцировать нас обоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.